

В. Бушин

ДОРОГА, ЗДРАВСТВУЙ!.

В судьбе, в жизненном пути поэтесс Дины Злобиной и Ольги Фокиной немало схожего. Они ровесницы — родились в конце тридцатых годов, и обе — «во глубине России»: Дина — в Пензенской, Ольга — в Архангельской области. Их первые жизненные впечатления — горькие годы войны. У той и у другой отцы погибли на фронте. Детство и юность были трудными. Пришлось думать, как бы поскорее после окончания школы встать на ноги и помочь семьям. И потому обе будущие поэтессы сперва приобрели отнюдь не литературные специальности: Злобина окончила техническое училище, после которого работала на заводе токарем, Фокина — медицинское училище и стала фельдшером. И лишь в том возрасте, в каком иные более благополучные их сверстницы уже завершали свое высшее образование, они стали первокурсницами Московского литературного института. Окончив институт, опять ступили на одну и ту же тропу: не остались в столице, не стремились во что бы то ни стало зацепиться тут хоть за какую-нибудь, пусть плохонькую-преплохонькую, работенку, а вернулись в родные края и работают сейчас: одна, как и раньше, — фельдшером, другая — редактором в областной студии телевидения. Почти одновременно в одном и том же издательстве («Молодая гвардия») у них вышли первые книги: «Вёсны» Д. Злобиной и «Сыр-бор» О. Фокиной. (Правда, у Д. Злобиной до этого вышла книжечка в Пензе, но она совсем невелика.)

Критика встретила обе книжки молодых поэтесс весьма доброжелательно. И когда Дина Злобина в одном стихотворении утверждает, что-де «знаком нам критики оскал», то, сдается, это один из тех редких случаев в ее творчестве, когда поэтическая строка рождена не личным опытом.

На IV Всесоюзном совещании молодых писателей творчество Д. Злобиной обсуждалось на семинаре, которым руководил Николай Семенович Тихонов. И на семинаре, и в печати стихи Злобиной были единодушно поддержаны и одобрены. Поэт Юрий Разумовский писал: «Я верю, что пока еще неширокий ручеек ее творчества

рано или поздно станет рекой, пробьет свой путь к морю поэзии». Но наиболее весомо прозвучало, разумеется, мнение Николая Тихонова: «Дина Злобина, несмотря на некоторые несовершенства иных стихов, может вырасти в сильного интересного поэта...»

В таком же духе говорили, писали и о стихах О. Фокиной. Так, критик Ал. Михайлов подметил в них «зернышко таланта, которое уже начало давать и — ныне я уверен в этом — даст хорошие всходы».

Словом, все сходилось в том, что книги «Вёсны» и «Сыр-бор» — хорошее начало, доброе обещание. С этим нельзя не согласиться. Но думается, что это начало выражено столь определенно, это обещание высказано так отчетливо, что есть возможность с немалой уверенностью говорить об общем характере и направлении творчества молодых поэтесс и в будущем. Как бы ни развивались их поэтические способности, каких бы творческих высот они ни достигли, по-моему, и та и другая всегда будут, говоря словами Тихонова о Злобиной, писать «об обыкновенных людях и о непростых их чувствах».

В творческом родстве Д. Злобиной и О. Фокиной нет ничего удивительного. Оно обусловлено сходством их биографий и жизненного опыта, тем отрадным обстоятельством, что обе они росли в постоянной близости к родной природе, учились, жили и работали бок о бок с людьми труда, с теми, кого у нас частенько любят еще называть «простыми людьми».

Прежде всего сходство жизненного опыта определило глубокое родство гражданских и эстетических идеалов обеих писательниц.

Дина Злобина свою гражданскую обязанность видит в том, чтобы участвовать во всех радостях и бедах, трудах и стремлениях современника, вдохновляя его и поддерживая своей сердечной песней.

Дорога, здравствуй!

Я — несправима,
Спокойно жить минуты не могу!
Ветрами, солнцем, грозами палима,
Ты,

от судьбы моей неотделима,

Бежишь, петляешь в листьях и в снегу.
Веди меня по свету —

не заплачу,

Секи дождями, голодом мори!

Недаром в грудь мне

радостью горячей,

Неудержимой радостью бродячей:

Запала искра утренней зари.

Высшая награда и оправдание всех творческих мук для Дины Злобиной — стать нужной «обыкновенным людям», «...знать и ждать средь бурь и непогод, что день придет, и песнь мою простую над колыбелью женщина споет».

Так же понимает свой долг перед людьми и Ольга Фокина. Она пишет, что хотела бы быть не звездой, а солнцем, ибо «хорошо мерцать, но греть — прекрасней». В другом стихотворении, рассказав о том, как люди под гармонь пели и плясали, поэтесса заключает: «Сегодня под мою игру глаза и губы улыбались... О, если б, если б и перу награды эти же достались!»

Эстетическое кредо Злобиной, по-моему, наиболее отчетливо выражено в стихотворении «Напиши мне такую картину».

Тут и «простой человек» — Аленка, тут и единство его с природой, тут и не «бойся простоты», то есть ее поэтизация, вера в то, что красота и поэзия есть и в «простом», обыкновенном, повседневном; — все это чрезвычайно характерно для Дины Злобиной.

В сущности такова же эстетическая программа и Ольга Фокиной, выраженная ею в стихотворении, открывающем сборник. Только если Злобина высказалась почти с публицистической прямоотой, то Фокина предпочла в данном случае аллегорию, поэтическое иносказание.

Это — стихотворение о Северной Двине. В теплом предисловии-напутствии к книге Фокиной ее земляк, замечательный знаток нашего Севера Борис Шергин назвал Двину «тихославной» рекой. Такой и рисует ее в этом программном стихотворении поэтесса. Ее Двина — скромная труженица, «в неизменной фуфайке сосновых лесов», которой некогда принарядиться: «Ты не рядишься в крылышки парусов. Лишь плоты на тебе как заплапы». А если в иные дни и проглядывает ее краса, то «Все равно недосуг любоваться собой — приближаются долгие стужи». Не всякий разгадает ее неброскую, стеснительную, простую красоту, но Ольга Фокина — видит и беспокоится лишь о том, где найти слова, чтобы достойно воспеть ее.

Гражданские и эстетические идеалы, которым молодые писательницы стремятся следовать, требуют для своей реализации многого: и близости к жизни, к трудовому бытию народа, и общего жизнеутверждающего характера творчества, и психологической проникновенности, и близости к народно-поэтической традиции, и внешней простоты, демократичности стихотворной формы... И все это в немалой

доле в стихах Злобиной и Фокиной уже сейчас есть.

О близости творчества обеих поэтесс к действительности, о их следовании жизни свидетельствует уже хотя бы то обстоятельство, что в их стихах почти нет выдуманных сюжетов, поэтических условностей, как правило, в них — лично виденное, лично пережитое. Разумеется, само по себе это отнюдь не всегда необходимое и тем более достаточное условие высоких достоинств литературного произведения, но в данном случае это придает поэтическим строкам большую силу и убедительность.

Когда Дина Злобина пишет: «Я землю жесткую копала, точила сталь в цехах... Порой я выгляжу усталой и в жизни и в стихах», — то в этом нет никакой условной поэтической фигуры, это биография, а не выдуманный сюжетный ход.

Когда Ольга Фокина в стихотворении «Голуби...» рассказывает, как молоденькая фельдшер в метель ночью идет семь километров на лыжах, чтобы спасти заблудшего мальчика, то речь здесь идет либо о ней самой, либо о том, что она видела своими глазами.

Для Дины Злобиной отличной жизненной школой явился завод. Он подсказал ей не одну тему. Здесь она узнала много людей и многое о людях. Как и раньше, в родном селе, где она прожила до семнадцати лет, в городе Дина оказалась в среде тех же «простых людей».

Против этого определения недавно с возмущением восстал Ярослав Смеляков, давний поэт рабочей темы. В стихотворении, полемически озаглавленном «Простой человек», он писал:

Раскрыв листы газеты,
раздумываю зло:
определенье это
откудова пришло?
Оно явилось вроде
от тех ушедших лет:
смердит простонародье,
блистает высший свет.
В словечке также можно
смысл увидеть иной:
вот этот, дескать, сложный,
а этот вот — простой.

В стихах, навеянных заводом и его людьми, Дина Злобина рисует нам своих товарищей по труду отнюдь не простыми, не элементарными существами. Поэтесса видит, что цех завода — это не только рабочее место, это родной дом, в котором люди встречаются с высокой радостью и переживают большие сердечные беды.

В стихотворении, которое так и озаглавлено — «В цехе», со сдержанностью и мужеством рабочего человека рассказано о драме неразделенной любви, разыгравшейся прямо здесь, у станка. Ведь любовь, как и смерть, не выбирает места. В стихотворении «Шутка» перед нами тот же цех, такие же люди, но на этот раз совсем иная картина жизни — картина

жие друг на друга? Не тот ли это случай, когда мы встречаемся в поэзии с плодами шаблонности?

Конечно, нет. Ибо, во-первых, сходство это — лишь сходство общих идейно-эстетических позиций, некоторых тем, мыслей; утверждение же этих позиций, решение тем, выражение мыслей, как мы уже не раз могли видеть, у каждой поэтессы происходит по-своему, они находят для этого свои слова, свои краски и образы — словом, свое художественное решение.

Характеры со страниц книг встают столь отчетливо, что, кажется, не составяет никакого труда предугадать, как авторы книг, живые люди, доподлинные Дина Злобина и Ольга Фокина, поступят в том или ином случае, как отнесутся к тому или иному обстоятельству, факту.

Может быть, убедительнее всего различие сказывается в стихах о любви.

Дина Злобина в стихотворении «О себе» пишет о неразделенной любви. Ей кажется нескладной собственной фигура, неуклюжими руки, привыкшие к вязанью, к сельскому труду. И вот заключительные строки:

Когда обидят,
плакать не посмею,
И, никогда не жалуясь судьбе,
Еще я очень многое умею,
Но...
Не умею нравиться тебе.

В стихотворении Ольги Фокиной «Мне холодно...» исходная ситуация та же: он не любит. Но реакция на это совсем иная:

Мне все по плечу,
Я не думаю плакать,
Но я закричу
В эту серую слякоть,
Чтоб крик поднимался
Все дальше, все выше:
Люблю тебя! Знаешь?
Люблю тебя! Слышишь?

В стихотворении Злобиной перед нами характер деятельный, энергичный, находчивый во всем, что не касается любви, в любви же — застенчивый и робкий, замкнутый и нерешительный, даже несколько приниженный. Фокина же рисует образ женщины смелой, деятельной, открытой во всем. Злобина смиряется с неудачей в любви, Фокина готова за любовь бороться.

Глубокое различие индивидуальностей можно наблюдать и дальше. Вот стихотворение Дины Злобиной «Смотрю на пальцы тонкие». Как отчетливо виден в нем живой женский характер! Он весь поглощен чувством, любимому прощается все — и то, что «не первая», и то, что он не понимает силы ее любви, что это для него лишь «эпизод», за которым последуют другие.

Встречу с таким же легким человеком описывает и Фокина. Но она отнюдь не расположена все ему прощать и растворяться в его благосклонности. Наоборот,

для нее совершенно неотвратима неизбежность гневного разрыва:

Ночь как ночь. Не черней, чем вчера,
Облака поменялись местами лишь.
Не ходи и не жди до утра,
Не хотела расстаться, да сам велишь.

Недаром «качаются сосны разгневанно»... Даже природа полна непримиримости.

Разумеется, порой достаточно ярко характер раскрывается не только в стихах о любви. У Фокиной в этом смысле весьма примечательно, например, стихотворение «Матери». В нем речь идет о том, что дочь любит свою мать, почитает ее, но все-таки решительно и твердо отклоняет мещанский, обывательский, домостроевский идеал счастья, который мать пытается ей навязать.

Прости! Я выросла иная,
Чем те мечты.
Из-за того сегодня, знаю,
И плачешь ты.
Я полюбила не затворы,
Не прочность стен,
А вольной Родины просторы...

У Злобиной тоже есть стихотворения о несогласии дочери с матерью. Но если у Фокиной перед нами важное столкновение двух мировоззрений, проявляющееся через характеры, то тут конфликты гораздо менее значительны: в одном случае («Валька») девочка из упрямства, из озорства, от безделья («Что ж, в деревне баклуши бить?») вопреки воле матери покидает колхоз, едет в город, а мать просит ее «строже девичью честь блюсти»; в другом — дочь бежит на свидания к любимому, а мать по этому поводу беспокоится. Едва ли можно сказать, что в этих эпизодах так уж глубоко раскрывается характер героини.

К слову сказать, обе наши поэтессы ровесницы Вали Терешковой. Да и в судьбах всех трех немало схожего...

Восхищаясь подвигом Валентины Терешковой, весь мир ясно увидел, каким достойным, каким мужественным и чистым, гордым и скромным выросло поколение советских людей, вскормленное скупым хлебом военных лет. То поколение, среди которого так много людей, что в возрасте пяти-шести лет, простившись с отцами, так больше их и не увидели. Всю силу своей дочерней и сыновней любви они отдали многострадальным матерям. О, как это неслучайно, сколь многое за этим встало, когда на пресс-конференции в ответ на вопрос, кто для нее самый дорогой человек, Валя Терешкова ответила: «Мама».

Некоторые драгоценные черты поколения Терешковой правдиво запечатлены в стихах Ольги Фокиной и Дины Злобиной.

У людей этого поколения одна судьба, схожий жизненный опыт, одинаковые убеждения и взгляды, но характеры, естественно, разные. Однако оба они радуют как подтверждение многообразия и неисчерпаемости жизни.